

THE SAURUS

Д. У. Орлов

ЖУРНАЛ «БЕСЕДА»: ПРЕДЫСТОРИЯ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Излет советской империи, пришедшийся на 70–80-е гг. XX в., сопровождался не только деградацией ее идеологических принципов, но и окончательным угасанием пафоса тотальной мобилизации, на котором эти принципы жиждильсь, и которому жизнь советского общества была всецело подчинена вплоть до середины 50-х гг. Коллективное тело империи начало расслаиваться, и со временем в нем образовалось своеобразное «подполье», — социальные полости, где расцвела во всем многообразии своих проявлений неофициальная культура. Никакой однородности в этих проявлениях не существовало, — единственным общим знаменателем оказывалось нежелание, неспособность либо невозможность вписываться в рамки господствующего официоза. Но если в московских кругах крайне значимым было политическое диссидентство, борьба с существующим строем и защита прав тех, кто за критику этого строя пострадал, то в Ленинграде преимущественной тенденцией стало создание альтернативной культуры, вовсе не имевшей в виду бросать вызов властям или вступать с ними в прямые столкновения. Деятельность ее представителей была направлена прежде всего на возвращение в живое культурное пространство табуированных советской цензурой литературных, философских и богословских текстов, на расширение горизонтов восприятия, на снятие репрессивных механизмов со сферы производства смыслов и на увеличение доступа к современным явлениям мировой культуры. Впоследствии этот ленинградский феномен позднесоветского периода получит

название «второй культуры». Одним из самых активных и ярких представителей «второй культуры» 70-х гг. XX в. была философ, православный богослов, общественный деятель Татьяна Горичева. Организованный ею философско-религиозный семинар сфокусировал в себе как поиски новых путей для религиозного диалога (в работе принимали участие не только православные, но и католики, баптисты и т. д.), так и углубленное, вдумчивое освоение традиций современной европейской мысли (в первую очередь феноменологии Гуссерля и фундаментальной онтологии Хайдеггера). Параллельно с семинаром выходил самиздатовский журнал «37» (по номеру квартиры, находившейся в доме 49 по Курляндской улице, которую супруги Татьяна Горичева и Виктор Кривулин делили со Львом Рудкевичем, и где собственно и проходили семинары). Первый номер появился в январе 1976 г. Последний — уже после вынужденной эмиграции Горичевой — в марте 1981 г. За весь период вышел 21 номер — в 1976 г. сразу девять, в 1977 г. — четыре, в 1978 и 1979 гг. — по три, и в следующие два года — по одному. При объеме издания от 5 до 25 авторских листов, его тираж колебался от 15 до 200 экземпляров. В журнале публиковались доклады, сделанные на семинарах, авторские статьи (в том числе, скажем, в форме феноменологической переписки Горичевой с Борисом Гройсом, скрывавшимся под псевдонимом Иноземцев), переводы богословских (например, Й. Ратцингер, П. Тиллих) и философских текстов. Виктор Кривулин вспоминал о подготовке изданий: «Работали в крайнем напряжении. Будущие номера обсуждали до хрипоты, доходило до ссор. Атмосфера... была накаленной, на грани истерики, но такое напряжение есть, на мой взгляд, необходимое условие существования человека в культуре». При этом важнейшим обстоятельством, определявшим существование ленинградского культурного «подполья», являлся его принципиальный отказ от замкнутости, интеллектуальной провинциальности (в которой как раз можно упрекнуть тогдашний официоз с его институциями). Одно из любопытных тому подтверждений — факт переписки Горичевой с Мартином Хайдеггером. К сожалению, ответные письма Хайдеггера были утрачены, точнее сказать, изъяты следователями КГБ при обыске. И лишь Хайнрих Виганд Петцет, близкий друг Хайдеггера, оставил ценное свидетельство о первом пришедшем от Горичевой письме: «Накануне 85-летия <Хайдеггера> в доме царил атмосфера строгости и просветленности одновременно. К нашему удивлению Хайдеггер поднялся со стула и произнес короткую, но проникновенную речь, которую он начал так: “Молчание — это

благодарность возраста...". Он прочел нам строки из письма русской женщины-философа, которое пришло утром из Ленинграда. Она писала из "страны самых холодных пропастей". Письмо было потрясающим, серьезным откликом на философию Хайдеггера. Оно пришло оттуда, где "многие несут в своих душах великую решительность" и, несмотря на все преграды, умеют слушать... Это письмо было одной из последних и больших радостей для мыслителя»¹.

В 1980 г. Татьяна Горичева была выслана из Советского Союза за участие в женском правозащитном движении. В 1981 г. эмигрировал в ФРГ Борис Гройс. Из их продолжившегося общения возникла идея нового журнала, который мог бы явиться своеобразным мостом между покинутой страной и оставленными друзьями, с одной стороны, и внезапно распахнувшимся горизонтом новых возможностей, встреч, прочитанных книг, продуманных мыслей, — с другой. Журнал не являлся прямым продолжением «37», его содержательное наполнение и формальная организация были совершенно другими. После обсуждения различных вариантов названия (в том числе возникало и такое экзотическое, как «Стогны»), решили остановиться на названии «Беседа», вкладывая в него значения и встречи, и проповеди, и диалога. Журнал издавался, начиная с 1983 г. Всего вышло 13 номеров. Первые девять печатались на Западе в уменьшенном формате, — ради удобства их переправки в Советский Союз. Последние четыре — уже в России после 1991 г. Зарубежный вариант журнала в первую очередь адресовался советскому читателю, — на титульной странице городом издания даже значился Ленинград, и лишь на втором месте — Париж. Тираж в отдельных случаях мог достигать 3 тысяч экземпляров. Вопреки возможным ожиданиям, связанным с трудностями распространения нелегальных изданий, журнал «Беседа» довольно скоро обрел известность, стал широко читаемым и обсуждаемым, причем не только в Ленинграде и Москве, но и в других городах. Отдельные номера передавались из рук в руки, материалы из них перепечатывались и распространялись через друзей и знакомых. Можно констатировать, что издание оказалось безусловно актуальным и точно откликающимся на зов времени.

Содержательная сторона журнала выстраивалась главным образом из трех частей: авторские публикации (статьи, стихотворные подборки, проза

¹ *Heinrich Wiegand Petzet*. Auf einen Stern zugehen. Frankfurt-am-Main: Societäts, 1983. S. 229–230.

авторов из СССР, авторов, оказавшихся в эмиграции, зарубежных авторов); материалы, основанные на расшифровке бесед или интервью; анонсы новой философской литературы или рецензии на издаваемые книги. При этом неизменно сохранялась двойная имманентная интенция издания — оно не являлось собственно философским и не оставалось только религиозно ориентированным, скорее, оно стремилось удержать грань органической сплетенности того и другого, обозначить поля их схождения и отследить концы соединяющих их нитей. В журнале существовало небольшое число постоянных рубрик («Религия и философия», «Интервью», «Рецензии») и ряд ситуативных, появлявшихся по случаю («Из писем», «Полемика», «Круглый стол», «Поэзия», «Религия и литература»). Кроме того, очень важной частью журнала были помещенные в нескольких номерах специальные проблемно-тематические разделы, в которых обсуждались вопросы, актуализировавшиеся и настоятельно требовавшие осмысления в горизонте современности. Переиздание одного из подобных разделов, не утративших значение и поныне, предлагается вниманию читателей ниже.

С более чем 30-летней временной дистанции, которая нас отделяет от появления журнала «Беседа», более отчетливо, как представляется, стали видны некоторые черты, определившие его облик, и характеризующие интеллектуальную атмосферу, в которой он создавался. Одной из главных черт явилось, пожалуй, то, что внутренняя событийность журнала реализовывалась прежде всего в форме *сó-бытия*. Едва ли не половина опубликованных материалов инициирована не кабинетным, чисто исследовательским интересом, а становлением живого *сó-бытия* — многочисленными встречами, разговорами, общением с замечательными богословами и философами. Некоторые из них вылились в интервью, представленные на страницах журнала, — например, с Карлом Ранером, Вильгельмом Ниссенем, Карлой Мертенс, Николаусом Лобковицем, Массимо Серетти и др. Мысль — что философская, что богословская — совершается в совместности, в открытости встречному вопрошанию, в возможности оспаривания, агонального противостояния или дружеского собеседования. Неизменным остается одно — вовлеченность в разговор, совместная захваченность мыслью. Эта атмосфера взаимного выслушивания, безусловно, сквозит на страницах журнала, который меньше всего представляет собой необязательный набор текстов, случайно объединенных под одной обложкой. *Сó-бытие*, понимаемое как событие встречи, лежащее

в основе опыта мышления, — редкое явление в нынешнем интеллектуальном пространстве, в котором коллективные мероприятия в подавляющем большинстве случаев характеризуются никому ненужностью, а их участники — друг друга неслышимостью. Современное философствование, особенно в своем институциональном измерении, утратило самостоятельность, т. е. готовность подчиняться лишь внутреннему зову и заниматься исключительно своим делом, — делом мысли; оно оказалось обусловлено разного рода внешними, посторонними целеполаганиями, принуждено выполнять факультативные задачи. Таково воздействие глобализации на философию — занимаясь решением навязанных извне проблем соответствия новым стандартам и требованиям, без принятия которых само ее дальнейшее существование становится проблематичным, она забывает о своей сущности и предназначении. Тем интересней сталкиваться с выражением некоторого опыта (философского, богословского), который ориентируется лишь на исполнение собственной интенции, создает открытость, где возможны встреча и собеседование. Журнал «Беседа» — одно из немногих изданий, где это и в самом деле было возможно.

Ниже с любезного разрешения издателя публикуется тематический раздел «По ту сторону утопии и антиутопии», представленный в 3-м номере журнала: Беседа. Религиозно-философский журнал. № 3, Ленинград–Париж, 1985. С. 5–78.